

Возраст главного героя был установлен на отметке шестидесяти лет. Хань Сюнь, руководствуясь интуицией, создал персонажа, похожего на старика-проказника, китайца по происхождению. Он не знал языка, не понимал китайского, но мог четко произнести стихотворение Ли Бо «Гость в пути».

*

Прекрасное вино Ланьлина благоухает, словно шафран,

В нефритовой чаше сияет, как янтарь.

Если хозяин сможет опьянить гостя,

Тот не вспомнит, где его дом.

*

Для главного героя, Фрэнсиса Чена, Великобритания была домом, а Китай — чужой землей.

Но для второстепенного персонажа, Чэнь Миншу, Великобритания была чужой землей, а Китай — домом.

Память, связывающая деда и внука через сто лет, раскрывает грандиозные изменения, произошедшие в Китае за последнее столетие.

Старые, обветшалые улочки превратились в оживленные и чистые торговые улицы. Столы, покрытые жиром на уличных лотках, стали столами в ресторанах с безупречно чистыми столешницами.

Контраст между яичным супом в треснувшей керамической миске и супом в изящной фарфоровой чашке с сине-белым узором вызвал бурю эмоций у Хань Сюня.

От начальных декораций до финальной сцены, вдохновение Хань Сюня мчалось по страницам сценария, его сердце билось так сильно, что каждое слово казалось каплей крови, текущей из его души, обжигая кончики пальцев.

Если бы он хотел получить «Премия за лучший сценарий», ему следовало оставить сценарий без изменений, как в прошлой жизни, и написать о человеке, не знающем языка, который безудержно восхваляет китайскую кухню.

Но сейчас его заботила не награда, а история, которая удовлетворила бы его.

Закончив черновик, он захотел показать его кому-нибудь.

Хань Сюнь распечатал сценарий и сразу же связался со старейшиной Вэнь.

Хотя он хотел обратиться к Вэнь Хану, который в прошлой жизни снял этот фильм, у него не было его контактов.

Он был хорошо знаком со старейшиной Вэнь, часто ужинал с ним, смотрел фильмы и обсуждал сценарии, но редко встречал Вэнь Хана в его доме.

Каждый раз, когда он приходил на ужин и спрашивал о Вэнь Хане, старейшина Вэнь вздыхал и говорил:

— Скажи, что хорошего в Сунь Хаоране? Он явно нечестен, а Хань все равно влюблен в него из-за сценария.

Вэнь Хан любил сценарии Сунь Хаорана, даже зная, что тот зашел в тупик и не мог создать ничего удовлетворительного, он все равно не покидал его.

Хорошие сценаристы — большая редкость, поэтому Вэнь Хэшань так ценил Хань Сюня.

Но в глазах такого старого волка, как Вэнь Хэшань, Сунь Хаоран был никем. Даже если тот однажды упал в воду на банкете после завершения съемок, и Хань Сюнь даже пнул его ногой, Вэнь Хэшань всегда поддерживал Хань Сюня.

Вэнь Хан был другим. Его впечатление о Хань Сюне изменилось с «сценариста, который пишет только поверхностные вещи для привлечения внимания» на «сценариста, который пишет только поверхностные вещи, давя конкурентов и злоупотребляя своим положением».

В общем, впечатление было не очень, но он не показывал этого перед Хань Сюнем, просто избегал его, когда тот приходил на ужин.

Хань Сюнь приехал в дом старейшины Вэнь как раз к ужину. Едва войдя в ворота, он услышал звуки фортепиано.

Знаменитая третья часть «Патетической сонаты» Бетховена была исполнена с ощущением сдерживаемого раздражения и тревоги. Плавные звуки фортепиано, словно выплескивая эмоции, превратили мелодию в бурю, яростно ударяющую по клавишам.

Вэнь Хан был одет в простую футболку, он закрыл глаза, пальцы быстро двигались по клавишам, не обращая внимания на ошибки, полностью погрузившись в музыку.

Когда он закончил, тихий слушатель спросил:

— Режиссер Вэнь, что-то беспокоит вас в последнее время?

Голос был незнакомым, Вэнь Хан нахмурился и посмотрел в сторону, но увидел лишь стройную и холодную фигуру.

Он надел очки, которые лежали рядом, и наконец разглядел говорящего.

— Хань Сюнь? Что ты здесь делаешь?

Хань Сюнь с улыбкой поднял толстую пачку распечатанных листов:

— Я только что закончил сценарий, надеюсь, вы сможете дать мне несколько советов.

Однако Вэнь Хан сразу отказался:

— В последнее время я не хочу читать сценарии, обратитесь к деду.

Каждый раз, когда он видел Хань Сюня, в его голове всплывали бессмысленные реплики из «Героев зеленого леса», и он инстинктивно избегал всего, что было связано с Хань Сюнем.

Он лишь пролистал несколько страниц сценария «Героев зеленого леса», и эти поверхностные реплики словно прилипли к его сознанию, как яд.

Чувствительный к искусству молодой человек был шокирован, он чувствовал, что его высокие литературные стандарты подверглись атаке вульгарных диалогов, и ему пришлось снова читать сценарии Сунь Хаорана, чтобы успокоиться и убедиться, что он все еще стремится снимать качественные фильмы.

Это был всего лишь черновик, поэтому Хань Сюнь не придавал значения отказу Вэнь Хана. Из бурной фортепианной мелодии он почувствовал гнетущее настроение Вэнь Хана и решил не беспокоить его, отправившись напрямую к старейшине Вэнь.

К его удивлению, Вэнь Хэшань, пролистав несколько страниц, загорелся энтузиазмом.

Он начал читать сценарий, настроившись на просмотр комедии, готовый дать несколько советов, но, открыв его, обнаружил, что сцены и декорации были идеально подобраны для фильма.

Вэнь Хэшань внимательно читал страницу за страницей, даже отложив ужин на полчаса.

Закончив чтение, он был вдохновлен и смотрел на Хань Сюня с теплотой.

Хань Сюнь выглядел бледным, не выходил из дома больше месяца, его губы потеряли цвет. Волосы были слегка растрепаны, одежда проста — явно он сразу после завершения сценария поспешил показать его.

Талантливый и трудолюбивый, Вэнь Хэшань кивнул и, похлопав Хань Сюня по плечу, сказал:

— Пойдем, поужинаем и поговорим.

Хань Сюнь действительно был голоден.

Когда Сюй Сымяо был дома, он хотя бы обедал вовремя, но в последнее время Сюй Сымяо куда-то улетел, и повар готовил еду, а Хань Сюнь ел только после работы, чтобы не потерять вдохновение.

Финальную часть он писал легко, не ел весь день, и, сев за стол, наконец почувствовал голод, быстро съев несколько кусочков, чтобы утолить его.

Вэнь Хэшань смотрел на него с еще большей теплотой, понимая, что парень, вероятно, слишком увлекся написанием сценария и сбил свой режим.

Когда они наконец насытились, Вэнь Хэшань с улыбкой спросил:

— Сяо Хань, могу ли я снять этот фильм?

— Кх-кх!

Вэнь Хан, который как раз пил суп, чуть не подавился от слов деда.

Вэнь Хэшань обычно брал только крупные проекты от больших компаний, сценаристы были либо первоклассными режиссерами, либо золотыми сценаристами, назначенными каналом «Хуаин». Каждый фильм был создан опытными профессионалами, и каждый проект был знаменит.

«Герои зеленого леса» действительно были известны, но слишком поверхностны!

Вэнь Хан нахмурился и, не обращая внимания на присутствие Хань Сюня, спросил:

— Дедушка, зачем вам такой фильм?

Вэнь Хэшань рассердился, поднял усы и спросил:

— Что значит «такой фильм»? Как я тебя учил? Не смотри на людей сквозь призму предрассудков. Разве ты еще не понял, что Сунь Хаоран нечестен и не может написать хороший сценарий? Ты все равно прилип к нему, сам помогал ему переписывать, и что в итоге?

— Дедушка! — Вэнь Хан прервал его, поправив круглые очки. — Хотя он не закончил, но черновик Сунь Хаорана уже достаточно хорош, это вы смотрите сквозь призму предрассудков.

— Хорош, — Вэнь Хэшань фыркнул и протянул сценарий Вэнь Хану. — Вот что значит хороший!

Вэнь Хан с недовольством взял сценарий, нахмурился, начал читать, но уже через несколько строк его лицо смягчилось. Перевернув страницу, он с удивлением поднял голову и посмотрел на Хань Сюня:

— Это ты написал?!

Диалоги были мастерскими, реплики точными, каждая фраза раскрывала характер персонажа, не было лишних слов, и каждая строка вызвала в его голове четкие образы. В его застывшем представлении это никак не мог быть сценарий того же автора, что написал «Героев зеленого леса»!

— Да, — кивнул Хань Сюнь. — Я готовился к этому фильму много лет, но закончил черновик только сегодня.

— Терпение и труд все перетрут. Самый долгий период подготовки у меня был десять лет, — сказал Вэнь Хэшань, поглаживая усы. — Сколько бы времени это ни заняло, написать такой сценарий стоило того. Фрэнсис Чен и Чэнь Миншу... если этот фильм удастся снять в полной мере, это будет исполнением мечты о родине. «Прекрасное вино Ланьлина благоухает, словно шафран»... поэт был настоящим мастером, одно стихотворение может стать основой для фильма, такого в истории больше не было.

Его взгляд стал далеким, и, закончив восхищаться сценарием, он вернулся к теме:

— Сяо Хань, я как раз искал хороший сценарий для съемок, а ты подал его прямо в руки. Сто лет развития Китая — никто не знает это лучше меня. Доверь мне этот сценарий, завтра же найду инвесторов, цена не имеет значения!

Если бы кто-то другой услышал такие слова от Вэнь Хэшаня, он бы, несомненно, обрадовался и согласился.

Но лицо Хань Сюня выражало неуверенность, и он не знал, что сказать.